

Пребывание в лагере Роберта Кетта пошло мне на пользу, да и о самом капитане Кетте я ничего плохого сказать не могу. Вне всякого сомнения, он хотел, чтобы для людей, подобных мне, наступили иные дни.

*Ральф Клакстон, норфолкский псаломщик,
отданный под суд за эти слова*

От автора

О поразительных событиях 1549 года мы, как это ни странно, до сих пор знаем чрезвычайно мало. Тем не менее, работая над романом «Мертвая земля», я черпал сведения из авторитетных исторических источников и старался по возможности опираться на факты. Так, например, огромный повстанческий лагерь на Маусхолдском холме действительно существовал.

Некоторые сюжетные повороты, например те, что связаны с пленными джентльменами в шестой части романа, или происшествие, описанное в главе 75, кажутся слишком невероятными, чтобы быть правдой; однако все это полностью основано на свидетельствах очевидцев.

Более подробную информацию можно почерпнуть в разделе «Исторические заметки: Осмысляя восстание Роберта Кетта», который вы найдете в конце этой книги.

ПРОЛОГ

Январь 1549 года

Я находился в своей конторе в Линкольнс-Инн, когда гонец, посланный мастером Пэрри, известил, что патрон безотлагательно требует меня к себе. О причинах столь срочного вызова я мог лишь догадываться. Он занимал пост гофмейстера леди Елизаветы, а также являлся главой финансового ведомства ее двора. Я служил под его началом вот уже два года, с тех пор как королева Екатерина Парр рекомендовала меня своей падчерице, а произошло это вскоре после смерти короля Генриха VIII. Старый король оставил каждой из двух своих дочерей огромную ренту — три тысячи фунтов в год — в расчете на то, что они превратят эти деньги в земельные угодья. Согласно решению лорда-протектора (а титул сей ныне носил Эдуард Сеймур, герцог Сомерсет, бывший регентом Англии при малолетнем Эдуарде VI), право первой выбрать из того, что предлагалось на рынке, было предоставлено леди Марии, хотя ее консервативные религиозные убеждения и находились в резком противоречии с протестантским радикализмом, каковой исповедовал он сам. Тем не менее Мария, будучи старшей дочерью Генриха, являлась наследницей престола, на который ей предстояло взойти, случись что-нибудь с юным королем Эдуардом. Благосостоянием леди Марии был также чрезвычайно озабочен ее кузен, император Священной Римской империи Карл V Габсбург, с которым лорд Сомерсет отнюдь не желал портить отношения. Роль леди Елизаветы в политической жизни была значительно скромнее. Ныне, когда Мария приобрела основную часть своих земельных владений в Норфолке, Пэрри получил возможность купить земли для Елизаветы; по большей части они находились в Хартфордшире. По всей видимости, он положил глаз на какой-то аппетитный кусок бывших монашеских угодий и хотел с моей помощью как можно быстрее законно оформить сделку.

Я сознавал, что многим обязан своей бесценной благодетельнице Екатерине Парр. Когда вскоре после смерти короля Генриха она вышла замуж за брата лорда-протектора, Томаса Сеймура, я был чрез-

вычайно огорчен, ибо новый супруг ее, помимо несомненной красоты и обаяния, отличался неразборчивостью в средствах и непомерными амбициями, ради удовлетворения которых готов был на многое. Поначалу леди Елизавета жила под одним кровом с мачехой и ее новым мужем, но прошлой весной, в мае, сочла за благо их оставить; ходили слухи, что Сеймур проявлял к четырнадцатилетней принцессе излишне назойливое внимание. Вскоре после этого, в сентябре, Екатерина Парр скончалась, произведя на свет ребенка от Сеймура. Смерть ее явилась для меня тяжким ударом, от которого я не оправился до сих пор.

Сообщив своему клерку Джону Скелли, что мне необходимо отлучиться, я пешком отправился из Линкольнс-Инн на Найтрайдер-стрит, где располагалась канцелярия мастера Пэрри; он не был законником и, соответственно, не являлся членом коллегии адвокатов. День выдался пронзительно-холодный; улицы покрывал грязный снег, и мне приходилось осторожно лавировать между спешащими горожанами. Я невольно покачал головой, отметив про себя, как много нынче развелось нищих; скрючившись у дверей, они кутались в свои жалкие лохмотья, ничуть не защищавшие от холода.

На протяжении последних двух лет положение бедняков становилось все более отчаянным, и отрицать этот факт было невозможно. Король Генрих, умирая, вручил бразды правления Регентскому совету, который должен был руководить страной до той поры, пока король Эдуард, ныне одиннадцатилетний мальчик, не достигнет совершеннолетия. Совет, однако же, в самом скором времени передал свои полномочия родному дяде короля, старшему из братьев его покойной матери Джейн Сеймур, Эдуарду Сеймуру, герцогу Сомерсету, власть которого ныне фактически равнялась королевской. В течение последних шестидесяти лет, когда на престоле находились Генрих VII и Генрих VIII, Англией правила одна крепкая рука, и ныне высокопоставленные вельможи не представляли себе иной власти, кроме единоличной.

После пяти лет военных действий против Франции и Шотландии король Генрих, почив, оставил свою страну в состоянии мира. Мир был необходим Англии, ибо длительные войны разорили ее и привели к обесцениванию денег, которые теперь отливали не из серебра, а из меди. Многие торговцы отказывались принимать эти новые монеты, и по сравнению с минувшим десятилетием цены выросли едва ли не вдвое. Последствия подобного удорожания жизни для неимущих классов были воистину разорительными, ибо плата за труд оставалась прежней.

Однако же герцог Сомерсет, став лордом-протектором, в самом скором времени развязал войну с Шотландией, рассчитывая на поддержку шотландских протестантов, численность которых была весьма значительна; он предполагал объединить два королевства, устроив брак между Эдуардом и шестилетней Марией Стюарт, королевой Шотландии. По распоряжению лорда-протектора в низменных районах Шотландии и вдоль по течению реки Тай было возведено по итальянскому образцу несколько фортов, которые он считал неприступными. Однако шотландцы сопротивлялись отчаянно; все форты, один за другим, пали под их натиском, а малолетняя королева Мария была отправлена во Францию; страна эта, являвшаяся заклятым врагом Англии, вновь стала союзницей Шотландии. Хотя война обернулась настоящей катастрофой, лорд-протектор отказывался признавать свое поражение; ходили слухи, что ныне он вынашивает планы новой кампании, невзирая на то что солдаты, давно не получавшие жалованья, покидают еще оставшиеся в руках англичан форты.

Я опустил монету в шапку очередного нищего, дрожавшего у стены. У него не было ноги — возможно, потерял ее на войне. Протектор не единожды заявлял, что печется о благе бедных людей, и утверждал, что источник всех экономических проблем — стремление землевладельцев отнять у арендаторов их наделы и превратить поля в пастбища, так как выращивать овец выгоднее, чем хлеб. В прошлом году в Хартфордшире вспыхнуло несколько мятежей, и Сомерсет обещал защитить права арендаторов.

Я спустился по улице вниз; впереди маячил остроконечный шпиль собора Святого Павла, отчетливо вырисовывавшийся на фоне холодного голубого неба. На память мне невольно пришло, что во время установки огромного креста на этом шпиле погибло двое рабочих; религиозные традиционалисты утверждали, что их наказал Бог. Церковные реформы, проводившиеся ныне даже с еще большим размахом, чем при короле Генрихе, сотрясали страну. Теперь, когда Англией правил лорд-протектор, протестантские радикалы получили невиданную прежде власть. Из всех церквей изъяли иконы, а настенные росписи повсюду замазали. Часовни, где читали молитвы за упокой души умерших, были уничтожены; имущество монастырей поступило в казну. В самом ближайшем времени должен был появиться новый молитвенник, на английском языке, а не на латыни. Говорили, что вскоре и месса — во время которой, согласно убеждениям верующих, хлеб и вино претворяются в тело и кровь

Христову — будет считаться лишь воспоминанием о принесенной Спасителем жертве. Всего лишь три года назад за подобные убеждения можно было поплатиться жизнью, причем еретиков ожидала мучительная смерть на костре.

Оказавшись на Найтрайдер-стрит, я подошел к дому, где располагалась канцелярия Пэрри, и, прежде чем войти внутрь, тщательно сбил с башмаков снег. К моему удивлению, приемная была пуста, и мне пришлось постучать в двери кабинета моего патрона. Раздался голос, пригласивший меня войти. Войдя, я невольно подался назад от удивления. Человек, восседавший за массивным столом, отнюдь не походил на статного Томаса Пэрри; он был тщедушен, седовлас, а на груди у него поверх черного шелкового дублета сверкала золотая цепь лорда-канцлера. Сэр Ричард Рич, мой заклятый враг. Рядом с ним стоял худощавый молодой мужчина с каштановой бородой, в котором я с неменьшим удивлением узнал Уильяма Сесила. Три года назад, когда Сесил служил у Екатерины Парр, мне довелось с ним работать. С тех пор он стремительно делал карьеру, поднимаясь все выше и выше. Хотя Уильяму еще не исполнилось и тридцати, он являлся одним из старших секретарей лорда-протектора и, следовательно, обладал немалой властью. В былые времена отношения у нас были дружеские. Но уже тогда я знал, что свой собственный успех Сесил ценит превыше всего и при этом является ярким приверженцем протестантизма. Ныне он был заодно с Ричем. Я пристально посмотрел на него. Сесил столь же пристально взглянул на меня в ответ, но не сказал ни слова. Рич тоже молчал, разглядывая меня с откровенной недоброжелательностью.

Выйдя из оцепенения, я осведомился:

— А где мастер Пэрри?

— В Тауэре, — процедил Рич; голос его был таким же ледяным, как этот январский день. Я в изумлении уставился на него. Не сводя с меня глаз, он продолжил суровым, обвинительным тоном: — Так же, как и главная камеристка леди Елизаветы Кэт Эшли и многие другие. Они обвиняются в государственной измене, ибо являются участниками заговора, который возглавлял Томас Сеймур. Сама леди Елизавета находится в Хатфилде, под следствием, которое ведет сэр Роберт Тайвит.

Сердце мое бешено заколотилось. Трясущейся рукой я схватился за спинку ближайшего стула.

— И в чем же состоит измена Сеймура? — выдавил я из себя.

Рич раздвинул губы в улыбке:

— Как видите, господин секретарь, этот человек еще не отдает себе отчета в том, что заговор полностью раскрыт.

Взгляд Сесиля, устремленный на меня, по-прежнему не выражал никаких чувств. Переплетя свои длинные тощие пальцы, Рич налег грудью на стол Пэрри. В голосе его звенело негодование.

— Вы спрашиваете, в чем заключалась измена Сеймура? Спросите лучше, каким предательством этот человек не запятнал себя. Заключив соглашение с пиратами, которых он в качестве лорда-адмирала должен был изгнать из наших морей, Сеймур получал часть их добычи. Вымогал взятки у главы Бристольского монетного двора. Превратил свой замок Садели в настоящий склад оружия. Замышлял похитить короля и, сместив своего брата, занять место лорда-протектора. И наконец, вступив в заговор с мастером Пэрри и миссис Эшли, задумал выдать замуж леди Елизавету без одобрения Тайного совета. Вам ничего об этом не известно, сержант¹ Шардлейк? Возможно, когда придет время, вы сможете сообщить нам немало важных фактов. Но прежде всего мы хотим выяснить, что вы знаете о планах Томаса Сеймура относительно брака леди Елизаветы. Миссис Эшли уже призналась, что неоднократно обсуждала с ним подобные перспективы, и мастер Пэрри обещал в награду за содействие приобрести для нее земельные угодья.

Я вопросительно взглянул на Сесиля.

— Все это так, — веско изрек он.

— Милорд канцлер, я впервые об этом слышу, — произнес я, повернувшись к Ричу.

Однако сэр Ричард, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

— Мы располагаем информацией, — продолжал он, — что вы, в качестве подручного мастера Пэрри, занимались подготовкой к приобретению земель для леди Елизаветы. Наверняка Пэрри, желая как можно более полно ответить на вопросы Сеймура, советовался с вами. Извольте сообщить нам, что вам известно по этому поводу.

На столе перед ним лежал чистый лист бумаги. Рич окунул перо в чернильницу и приготовился записывать.

— Но мне об этом абсолютно ничего не известно, — возразил я, ничуть не покривив душой. — Мастер Пэрри никогда не упоминал при мне о каких-либо разговорах с Сеймуром, а уж тем более о его

¹ *Сержанты юриспруденции* представляли собой высший разряд барристеров в английском суде, небольшую элитную группу адвокатов, носивших специальную одежду, основным отличием которой являлась особая шапочка.

намерении устроить брак леди Елизаветы. Иначе и быть не могло, — добавил я, ощущая, как ко мне возвращается самообладание. — Вы прекрасно знаете, что я с неизменной неприязнью относился к Томасу Сеймуру, о котором ходили самые дикие и ужасные слухи.

Сказав это, я вновь взглянул на Сесила. На этот раз он позволил себе едва заметный кивок.

— Однако вы отнюдь не питали неприязни к покойной жене лорда Томаса, бывшей королеве, — усмехнулся Рич. — Мне известно, сержант Шардлейк, что вы пользовались доверием Екатерины Парр. Именно благодаря ее протекции вы и получили свою нынешнюю должность. Скажите, в последние месяцы перед смертью Екатерины вы переписывались с нею, обсуждая какие-либо планы относительно леди Елизаветы?

— И вновь, милорд, я должен сказать «нет». Мы никогда не стояли с королевой в переписке, да и ни разу не встречались с тех пор, как после смерти старого короля я получил должность при дворе леди Елизаветы.

— И вы думаете, я в это поверю? — усмехнулся Рич. — Вы же были ее доверенным лицом, советником.

— С тех пор как скончался старый король — нет. Повторяю: я не встречался с Екатериной Парр после того, как она вышла замуж за Сеймура.

— Вы напрасно рассчитываете, что меня можно кормить подобными баснями! — воскликнул Рич с наигранным возмущением, словно бы выступал в суде. — Вы пользовались доверием Екатерины Парр, и вы служите при дворе Елизаветы — это говорит само за себя! Неужели Екатерина ничего не сказала вам о том, что произошло между ее падчерицей и мужем? О том, что Сеймур домогался Елизаветы, в то время как его жена носила во чреве дитя?

Я глубоко вздохнул, пытаясь сохранить самообладание:

— Клянусь, до сего дня у меня не было даже отдаленных предположений на этот счет.

— Речь идет не о предположениях, — процедил Рич. — Кэт Эшли не молчит, а просто соловьем заливается, ну прямо как одна из птичек покойной королевы Екатерины. По ее словам, о том, что Сеймур не давал проходу Елизавете, было известно всем и каждому.

— Повторяю, мне ничего об этом не известно.

— То же самое твердил и мастер Пэрри, — осклабился Рич. — Пока ему не показали орудия пыток в Тауэре.

Ярость и горечь, охватившие меня, внезапно пересилили страх.

— Благодаря вам, сэр Рич, я уже имел случай увидеть эти самые орудия пыток. Но вам не удастся завлечь меня в ловушку. Если Томас Сеймур вел себя столь подло, как вы это утверждаете, то пусть получит по заслугам. Вы несколько раз упомянули, что допрашивали мастера Пэрри и миссис Эшли. Однако вы не сказали, что они *признались* в намерении устроить брак леди Елизаветы без одобрения Тайного совета. Сама леди Елизавета тоже наверняка ничего такого не говорила, иначе вы не преминули бы сообщить об этом. Сколько бы вы меня ни спрашивали, ответ всегда будет одинаков: «Я ничего не знаю о подобных планах».

Судя по багровому румянцу, залившему бледные щеки Рича, он тоже пришел в ярость. Сесил незаметно сделал знак: поднял руку ладонью вниз и медленно опустил ее, безмолвно советуя мне придерживаться языка.

Рич не видел этого жеста, однако заметил, что я смотрю на Уильяма. Он резко повернулся к нему:

— Молодой мастер Сесил прибыл со мной сюда, чтобы произвести обыск в кабинете мастера Пэрри. Ему предстоит просмотреть все хранящиеся здесь документы. Вы можете оказать ему содействие. — Помолчав, Рич продолжил: — Возможно, прежде чем мы приступим к обыску, вы направите нас по верному следу? Добровольная помощь, которую вы окажете нам, впоследствии может смягчить вашу участь, сержант Шардлейк.

— Мне ничего не известно.

— После того как мы закончим здесь, ваша контора и ваш дом тоже будут подвергнуты обыску, — с издевательской ухмылкой сообщил Рич.

— Для этого нам необходимо особое предписание, милорд, — осторожно напомнил Сесил.

— Получить его будет не трудно, учитывая, что я — лорд-канцлер, — нахмурился сэр Ричард.

— Если вам угодно, вы можете произвести у меня обыск, не дожидаясь предписания, — заявил я. — Менее всего на свете мне хотелось бы замедлять ход вашего расследования.

Я прекрасно сознавал, что Рич всего лишь закидывает сеть, рассчитывая, что я в ней запутаюсь.

Лорд-канцлер отбросил перо, закапав чернилами письменный стол Пэрри.

— Итак, мы приступаем к обыску. В самом скором времени вам еще придется дать показания под присягой.

— Как скажете, милорд.

Рич поджал губы и поднялся:

— Я отправляюсь в Тауэр. Сеймура необходимо допросить еще раз. — Он пристально взглянул на Сесила. — Произведите обыск в кабинете Пэрри со всей возможной тщательностью. Потом надо будет обыскать его дом. Шардлейком мы займемся позднее.

— Да, милорд, — с поклоном изрек Сесил.

Я тоже поклонился. Рич бросил на меня взгляд, исполненный откровенной враждебности, и быстро двинулся к двери, шурша шелковой мантией. Закрывая дверь, он громко стукнул ею о косяк, даже не считая нужным скрывать свое раздражение. Я остался наедине с Сесилом. До тех пор пока не хлопнула входная дверь, Уильям не произнес ни слова.

— Вы и правда ничего не знаете об этом деле? — наконец нарушил он молчание.

— Клянусь, ничего.

— Для меня это неожиданность. Вот уж не думал, что мастер Пэрри умеет хранить секреты. — На губах его мелькнула едва заметная улыбка. — Рич, как вы поняли, в числе тех, кто ведет расследование. Когда всплыло ваше имя, он настоял на том, чтобы лично допросить вас. И попросил меня сопровождать его, дабы в случае чего кто-нибудь мог подтвердить, что он не превысил свои полномочия.

— Я вам очень признателен, мастер Сесил.

Лицо моего собеседника приобрело строгое выражение.

— Как бы то ни было, разговор Сеймура — это чрезвычайно серьезно. И если леди Елизавета действительно согласилась вступить с ним в брак без разрешения Тайного совета, которое, как вы понимаете, никогда бы не было получено, это пахнет государственной изменой.

— Но если леди Елизавета не давала своего согласия, она невиновна. А следовательно, Томас Пэрри и Кэт Эшли невиновны тоже.

— Это верно. — Сесил слегка пожал плечами. — Полагаю, эти двое будут обвинены лишь в том, что они распускали пустые сплетни, а леди Елизавету полностью оправдают.

Поколебавшись немного, я отважился спросить:

— Скажите, а Сеймур действительно домогался леди Елизаветы?

На лице Сесила мелькнуло выражение нескрываемого отвращения.

— Боюсь, это правда, по крайней мере, если верить утверждениям Кэт Эшли. Покойная королева Екатерина отослала падчерицу прочь после того, как застала ее в объятиях своего мужа.

— Никогда бы не подумал, что леди Елизавета способна на подобное безрассудство, — покачал я головой.

— Юные девушки порой бывают чрезвычайно впечатлительны, — вздохнул Уильям. — И надо отдать должное Сеймуру, обаяния ему не занимать.

— Что касается всех прочих пунктов, то обвинения против него...

— Неопровержимы! Вскоре дело станет достоянием общественности. Он намеревался полностью подчинить короля своему влиянию. Думаю, ныне ничто не сможет спасти сэра Томаса Сеймура. Лорд-протектор вынужден будет подписать смертный приговор своему родному брату. — Сесил покачал головой. — Бесспорно, для него это будет жестоким ударом.

— Да уж, — вздохнул я. — Бедная королева Екатерина. Бедная леди Елизавета.

— Почему вы не добавляете «бедный Томас Сеймур»?

— Как я уже сказал Ричу: если этот человек виновен, пусть он получит по заслугам.

— То есть лишится головы на плахе.

На несколько мгновений в воздухе повисло молчание. Потом Сесил произнес, потирая свои тонкие пальцы:

— Не могли бы вы позвать слуг Пэрри? Рич отослал их прочь. Наверняка сейчас они где-нибудь в дальних комнатах. Здесь ужасно холодно. Надо, чтобы слуги затопили камин, ведь перебирать бумаги мастера Пэрри нам придется долго.

Это было странное, весьма неприятное занятие — просматривать документы своего патрона. Нас с мастером Пэрри не связывали узы дружбы, однако я неизменно питал к нему уважение. К моему великому облегчению, мы не нашли ничего компрометирующего. После того как обыск был завершен и мы уже надели плащи, собираясь уходить, Сесил, погруженный в задумчивость, бросил взгляд в окно. Пылинки, потревоженные нашими поисками, кружились в луче зимнего солнца.

— Мастер Шардлейк... — негромко произнес Сесил. — Я не думаю, что над леди Елизаветой действительно нависла серьезная опасность. Но она никогда не пользовалась благоволением протектора, и скандал, который неминуемо разразится в самом скором времени, бесспорно, усилит подозрения, каковые он питает на ее счет. Герцог Сомерсет не относится к числу тех, кто... — Уильям замешкался, подыскивая подходящее слово, — к числу тех, кто склонен доверять людям. И конечно, измена родного брата лишь усугубит

его недоверчивость. При встрече с мастером Пэрри попросите его посоветовать леди Елизавете впредь быть осмотрительнее. Даже тень скандала не должна падать на нее.

— Спасибо, мастер Сесил, — кивнул я и добавил, движимый любопытством: — Но почему вы так печетесь об участии леди Елизаветы?

Он склонил голову и вытянул перед собой обе руки ладонями вниз.

— У юного короля две сестры. Мария — враг истинной религии, а Елизавета, напротив, ее поборница. Сегодня политическая ситуация такова, что расположение лорда-протектора отдано Марии. Но вполне возможно, что, став старше, Елизавета сумеет изменить нынешнее положение вещей.

Часть первая

Лондон

ГЛАВА 1

Июнь 1549 года

На протяжении всего нашего путешествия в Хатфилдский дворец дождь лил как из ведра; водяные струйки стекали с полей наших шляп и делали скользкими поводыя. Время от времени налетали порывы ветра, такого ледяного, словно бы даже сейчас, в начале июня, суровая зима и холодная весна не спешили покидать землю.

Нас, оставивших Лондон серым ненастным утром, было шестеро; я, мой молодой помощник Николас Овертон и четверо крепких парней, вооруженных ножами и мечами, — все они состояли на службе у Томаса Пэрри, главного управляющего двором леди Елизаветы. Их командир Фоуберри, молчаливый мужчина средних лет, прибыл в Линкольнс-Инн за день до этого; он доставил письмо патрона, который срочно вызвал меня в Хатфилд. В послании говорилось, что мне предстоит помочь леди Елизавете в некоем безотлагательном и деликатном деле. Мне следовало отправиться в путь вместе с гонцом, провести ночь в загородном трактире и следующим утром предстать перед Пэрри и леди Елизаветой. В письме сообщалось также, что мой патрон на всякий случай послал с Фоуберри еще трех человек, которым предстояло сопровождать нас; учитывая, что после майских мятежей в стране было неспокойно, предосторожность эта отнюдь не казалась лишней. Меня несколько удивило, что Пэрри, всегда отличавшийся многословием, ограничился столь кратким посланием, и по дороге я ломал себе голову, что предвещает подобная лаконичность. Приобретение и продажа земель для леди Елизаветы, которыми я по поручению гофмейстера занимался в течение двух лет, разумеется, относились к числу деликатных дел, однако не требовали срочности.

В пути мы почти не разговаривали; ненастная погода не способствовала оживленной беседе. Николас ехал рядом со мной, склонив тощее длинное тело на шею лошади. С другой стороны от меня трусил Фоуберри, сзади — трое его людей. Одинокие всадники и повозки, груженные различными припасами, встречавшиеся нам на до-

роге, двигались в противоположном направлении, в сторону Лондона. Лишь однажды нас обогнал гонец в яркой ливрее королевских цветов, сопровождаемый двумя вооруженными слугами, которые, оглушительно трубя в рожки, сделали нам знак уступить дорогу. Обрызгав нас грязью из-под лошадиных копыт, они быстро скрылись вдаль. Николас вопросительно взглянул на меня; пряди рыжих волос, падавшие ему на лоб, так промокли, что напоминали крысиные хвосты, а капавшая с них дождевая вода заставляла юношу поминутно моргать.

— Любопытно, что он везет, — заметил Овертон. — Очередное воззвание лорда-протектора Сомерсета?

— Скорее всего. Хотел бы я знать, чему оно посвящено на этот раз.

— Возможно, протектор провозглашает, что отныне слепые должны прозреть, а рыбы — летать по воздуху.

Я рассмеялся, однако Фоуберри, ехавший рядом со мной, бросил на Николаса неодобрительный взгляд.

Близился вечер, серое небо потемнело.

— Я полагаю, вскоре мы должны прибыть на постоянный двор, — сказал я, повернувшись к Фоуберри.

— Да, сэр, думаю, до постоянного двора уже недалеко, — ответил он своим низким, глубоким голосом.

Подобно Пэрри и многим другим служащим при дворе леди Елизаветы, он был валлийцем. В седле наш сопровождающий держался прямо, не обращая внимания на ненастье; выправка выдавала в нем бывшего солдата. Возможно, как и большинство его земляков, он был участником войн с Францией.

Я растянул губы в улыбке и заметил:

— Очень удачно, что по распоряжению мастера Пэрри мы должны провести эту ночь в трактире. Иначе мне пришлось бы предстать перед леди Елизаветой мокрым и грязным, как крыса, выскочившая из сточной канавы.

— Да, сэр, показываться перед нею в таком виде негоже, — с непроницаемым лицом кивнул мой спутник.

Я понял, что все попытки вытянуть из него хоть что-нибудь о причинах столь внезапного вызова обречены на поражение; даже если этому человеку что-то известно, он будет хранить молчание.

Николас, придержав лошадь, указал хлыстом направо. В отдалении, за ячменным полем, светился огонек.

— Посмотрите-ка туда, мастер Фоуберри! — воскликнул Овертон. — Может, это и есть постоянный двор?

Фоуберри придержал лошадь и сделал своим людям знак последовать его примеру. Смахнув с глаз дождевые капли, он вперил взгляд в сгушавшийся сумрак. И наконец изрек:

— Нет, это не постоялый двор. Нам нужно проехать еще около мили. — Посмотрев вдаль еще несколько мгновений, он добавил: — Это не свет из окна, а огонь. Скорее всего, кто-то развел костер в роще за полем.

— Может, там лагерь крестьянских мятежников? — предположил один из его людей, коснувшись рукояти меча.

— Я слышал, в Хэмпшире и в Сассексе вновь начались волнения, — негромко ответил ему командир.

— Это лишь один-единственный костер, — покачал я головой. — Скорее всего, его развели какие-нибудь путники вроде нас.

— Очень может быть, что эти путники поджидают одиноких всадников, дабы их ограбить. — Фоуберри сплюнул на землю. — Согласно новому закону, принятому парламентом, подобных шельмцов следует клеймить и строго наказывать. Мы должны предупредить хозяина постоялого двора, что видели костер, — продолжил он. — Пусть трактирщик сообщит об этом констеблю, а тот пошлет туда городскую стражу. — Он повернулся ко мне. — Вы согласны, мастер Шардлейк?

Я медлил, не зная, что ответить. Николас метнул в меня предостерегающий взгляд. Ему было хорошо известно мое мнение относительно творившихся в стране беспорядков, но затевать сейчас спор вряд ли имело смысл.

— Вам лучше знать, мастер Фоуберри. Хотя, вполне вероятно, у этого костра греются самые что ни на есть честные люди.

— Осторожность никогда не бывает лишней, особенно в нынешние тревожные времена. Кроме того, Хатфилдский дворец расположен неподалеку отсюда, и беспорядки могут потревожить леди Елизавету.

Я кивнул в знак согласия. Мы вновь натянули поводья своих усталых лошадей и медленно двинулись по дороге. Я лишь вздохнул про себя, рассудив, что тем, кто собрался ночевать у костра в такой холод, в любом случае не позавидуешь.

Постоялый двор, расположенный на окраине маленького городка Хатфилда, оказался уютным и чистым. Подъехав, мы спешились, и двое конюхов увели лошадей. Люди Фоуберри последовали за нами, оставив своего командира в нашем с Николасом обществе. Тело мое затекло после длительного путешествия, все кости ломило. Спи-

на просто разламывалась: в последнее время длительные переезды верхом давались мне все тяжелее. Но горбуну сорока семи лет от роду вряд ли стоило на это сетовать. Вслед за слугой, взвалившим себе на плечи нашу поклажу, мы вошли в старый просторный дом. Свечи, ярко горевшие внутри, освещали каменные плиты, которыми был выложен пол; дверь, ведущая из холла в просторный обеденный зал, была распахнута настежь, и сидевшие там постояльцы, судя по виду в основном преуспевающие торговцы, с любопытством уставились на нас. Лысый приземистый человек в фартуке поверх дублета, прервав на полуслове разговор с одним из гостей, поспешил нам навстречу.

— Приветствую вас, мастер Фоуберри! — жизнерадостно воскликнул он. — Мы вас ждали. — Он склонился в почтительном поклоне и, выпрямившись, устремил на меня пронзительный взгляд небольших острых глаз. — А вы, должно быть, джентльмен-законник и прибыли, чтобы помочь мастеру Пэрри советом?

— Я сержант юриспруденции Мэтью Шардлейк, член Лондонской коллегии адвокатов, — представился я. — А это мой помощник мастер Овертон.

Хозяин постоялого двора приветливо кивнул и вновь повернулся к Фоуберри.

— Очень рад видеть вас у себя, сэр. — Подойдя ближе, он произнес, понизив голос: — Буду чрезвычайно признателен, сэр, если мастер Пэрри заплатит за постой своих гостей золотыми монетами. Серебро нынче очень упало в цене, — добавил он, сокрушенно покачав головой.

— Мы в Хатфилдском дворце всегда расплачиваемся золотом, — с гордостью изрек Фоуберри.

Трактирщик вновь поклонился, на этот раз в знак благодарности.

— Для меня великая честь принимать гостей, прибывающих в Хатфилдский дворец, — сказал он и, помолчав немного, добавил: — Давненько вы к нам не заглядывали, сэр. Надеюсь, леди Елизавета здорова?

— Вполне здорова, мой заботливый друг, — с едва заметной улыбкой ответил Фоуберри.

— Надеюсь также, что неприятности, которые ей пришлось пережить в последнее время, не слишком ее расстроили, — продолжал трактирщик, поочередно поглядывая то на меня, то на Фоуберри; в своем стремлении полакомиться сплетней он напоминал голодного ворона, желающего ухватить вкусный кусочек.

Гости, сидевшие за столами, притихли.

— Да будет вам известно, любезный, у меня нет привычки обсуждать с посторонними дела, имеющие касательство к особам, которым я служу, — ледяным тоном отчеканил Фоуберри.

Трактирщик слегка подался назад:

— Разумеется, сэр. Я только хотел сказать... сейчас в Хатфилдском дворце, судя по всему, все спокойно.

— И будет еще спокойнее, если люди, подобные вам, откажутся от привычки выведывать то, что им знать не следует, — жестко ответил Фоуберри. — Кстати, я могу сообщить кое-что, имеющее к вам прямое отношение. Примерно в миле к югу отсюда мы видели на краю поля костер. Слева от дороги. Полагаю, вам стоит поставить в известность констебля.

— То был один-единственный костер, — уточнил я. — Вряд ли вокруг него собралось много людей.

Трактирщик тем не менее отнесся к полученному известию очень серьезно.

— Я пошлю констеблю записку, — сказал он.

— И правильно сделаете, — кивнул Фоуберри. — Как видите, мы насквозь промокли. Нам нужны комнаты с каминами и полотенца. И конечно, мы все не прочь перекусить.

— Может быть, вы поужинаете здесь? — Хозяин махнул рукой в сторону обеденного зала. — Жаркий огонь и хорошая компания — что еще нужно в такую погоду, когда...

— Нет, мы лучше поедим в своих комнатах, — перебил его я.

Мастер Пэрри заказал для нас с Николасом отдельные комнаты; он не испытывал недостатка в средствах. Учитывая, что леди Елизавета принадлежала к числу богатейших людей в стране, в этом не было ничего удивительного. Я переоделся в сухую одежду, а мокрую развесил перед камином. Открыв дорожную сумку, которую слуга доставил в спальню, я бережно разложил на кровати адвокатскую мантию.

Тут принесли ужин — густую баранью похлебку, бекон с хлебом и сыром и кувшин пива. Довольно простая, но сытная пища. Вскоре раздался стук в дверь, и в комнату, согнувшись, чтобы не задеть головой о дверной косяк, вошел Николас. Он тоже переоделся и успел высушить свои огненно-рыжие волосы. Теперь он облачился в зеленый дублет с серебристыми нашивками и модным высоким воротником, слегка растянутым так, чтобы были видны кружева рубашки.

— Садись, дружище, — сказал я.

— Благодарю вас, сэр.

Мы с аппетитом принялись за еду. Утолив первый голод, Николас вытащил кошелек, извлек из него серебряную монету и положил на стол.

— Вчера мне дали ее в Лондоне, — сообщил он. — Новый шиллинг, только что выпустили.

Я взял новехонькую блестящую монетку, на которой красовалось серьезное лицо нашего одиннадцатилетнего короля. Вокруг его изображения шла надпись по-латыни: «Эдуард VI, король милостью Божией». Я взвесил монету на ладони:

— Она тяжелее, чем те, что чеканили в начале года. Но может, в ней еще больше меди?

— Думаю, так оно и есть, — нахмурившись, кивнул Николас. — Богом клянусь, протектор Сомерсет держит нас всех за последних дураков. Введя в оборот это свое фальшивое серебро, он ограбил всю страну. Чем больше он выпускает таких монет, тем быстрее растут цены. За кружку пива уже требуют два фартинга.

Я невесело улыбнулся:

— Сомерсету необходимо серебро, ибо война с Шотландией требует больших расходов. Парламент идет у него на поводу и одобряет введение новых налогов. — Я покачал головой. — Я думал, после смерти старого короля Англия прекратит выбрасывать деньги на войны, в которых заведомо обречена на поражение. Увы, я ошибался. Стало только хуже.

— Думаете, шотландцы нас побьют? — ухмыльнулся Николас.

— Все идет к тому.

— Для Англии это будет большим бесчестьем.

— За всю свою жизнь я не припомню, чтобы цены росли так быстро, как в этом году, — заметил я, задумчиво глядя на монетку. — Простым ремесленникам сейчас приходится туго... Не говоря уже о фермерах. Землевладельцы что ни месяц повышают арендную плату, а некоторые так и вовсе гонят арендаторов прочь, превращая поля в пастбища.

— А что им еще остается делать? — перебил меня Николас. — Рост цен ведь касается и их тоже. Я знаю, мой отец терпел убытки, потому что... — Овертон осекся, глубокая складка пересекла его усыпанный веснушками лоб.

Я догадывался, что творится у парня на душе. Три года назад, когда Николасу был двадцать один год, его родители, мелкие дворяне из Линкольншира, решили женить его по собственному выбору. Однако Николас не питал никаких чувств к девушке, которую они наметили ему в супруги, и наотрез отказался вступать с ней в брак.

В результате родители лишили строптивого сына наследства. Горечь обиды не улеглась и по сей день, хотя, судя по всему, положение помощника барристера его вполне устраивало, и он с нетерпением ждал, когда же будет принят в коллегию адвокатов. Работал молодой человек усердно, был сметлив и сведущ, хотя я чувствовал: в отличие от меня, Ник отнюдь не был предан правоведению всем сердцем. Свободное время он проводил в обществе других молодых джентльменов — о том, что он джентльмен, Овертон никогда не забывал, — развлекаясь в лондонских тавернах и, как я догадывался, в борделях. Иногда мне казалось, что больше всего ему нужна хорошая жена. Хотя Николаса никак нельзя было назвать красавцем в общепринятом смысле этого слова, он, несомненно, был щедро наделен привлекательностью и, уж конечно, не страдал от недостатка уверенности в себе. Если ему действительно чего-то недоставало, так только денег, ибо небольшое жалованье, которое он получал у меня на службе, являлось для него единственным источником дохода. В последнее время Овертон начал ухаживать за Беатрис Кензи, дочерью моего коллеги-барристера. Я встречал эту юную девицу всего пару раз и, признаюсь откровенно, был о ней не слишком высокого мнения.

— А как по-вашему, есть шанс, что завтра я тоже увижу леди Елизавету? — спросил Николас, резко меняя тему разговора.

— Честно скажу, вероятность этого ничтожна. Даже я вижу ее крайне редко.

— Значит, вы притащили меня с собой только потому, что по статусу вам полагается иметь помощника, а в данном случае статус очень важен, — усмехнулся Николас.

— В общем-то, ты прав, старина. Сам знаешь, так положено. Хотя, думаю, для тебя тоже найдется дело — скорее всего, придется переписать кое-какие документы. Но доступ к леди Елизавете ограничен. Мастер Пэрри и приближенные к ней дамы строго следят за этим.

Николас подался вперед, в его зеленых глазах вспыхнули любопытные огоньки.

— Интересно, а что она собой представляет?

— Я не видел ее уже месяцев с восемь, — ответил я. — В последний раз я был допущен к ней, чтобы выразить соболезнования по поводу кончины королевы Екатерины... — Я слегка запнулся и, судорожно сглотнув, продолжил: — Ныне леди Елизавете пятнадцать лет, но она обладает умом и выдержкой взрослого человека. Дело в том, что детство ее было далеко не безмятежным. — Губы мои тро-

нула грустная улыбка. — Она чрезвычайно умна и, как говорится, за словом в карман не лезет. Когда я начал работать под началом мастера Пэрри, она как-то сказала: «*Мои собаки будут носить мои ошейники*». Разумеется, к людям это относится тоже.

Помолчав немного, Николас спросил:

— А это дело, по которому мы едем туда... Как вы думаете, оно связано с тем, что случилось в январе?.. Ну, с теми неприятностями?

— Думаю, нет, — твердо ответил я. — Скандал, вспыхнувший вокруг Томаса Сеймура, умер вместе с этим недостойным человеком. Я в этом не сомневаюсь. — Вперив в Николаса пристальный взгляд, я произнес, подчеркивая каждое слово: — Всем известно, что лорд-протектор публично заявил: леди Елизавета не была осведомлена о брачных планах Сеймура. Это все, что я могу сказать по этому поводу, Николас. Сохранять конфиденциальность — первая обязанность законника.

— Кто же с этим спорит. Но...

— Но все, начиная от хозяина этого постоянного двора и кончая последним клерком в Линкольнс-Инн, желали бы знать подробности, — суровым тоном прервал его я.

— Я не о том, сэр. — На лице Николаса мелькнуло смущение. — Просто, когда нас срочно вызвали по некоему важному делу, я подумал: наверное, здесь есть какая-то связь. Возможно...

— Возможно, здесь замешана политика — ты это хочешь сказать? — снова перебил я. — Нет, я уверен, политика тут ни при чем. Прости, старина, что я так на тебя набросился. Просто люди, зная, что я работаю с Пэрри, видят во мне источник сплетен, а мне это чертовски надоело. — Я покачал головой. — Поверь, Николас, бывают случаи, когда тот, кто знает меньше, оказывается в выигрыше. В качестве опытного адвоката и старшего товарища я даю тебе этот совет совершенно бесплатно.

Позднее, когда Николас вернулся в свою комнату, я открыл окно. Дождь прекратился, но с крыши все еще капало, и это был единственный звук, нарушающий ночную тишину. Серебристый серп месяца разливал тусклое сияние над полями, окружавшими постоянный двор. Сейчас, в начале лета, уже ходили разговоры о том, что нынешний год, в отличие от четырех предшествующих, будет неурожайным. Страшно было подумать, что произойдет, если ко всем прочим неурядицам прибавится еще и нехватка хлеба.

Я отошел от окна. Прежде чем лечь спать, неплохо было бы сделать несколько физических упражнений, которые мне рекомендовал

доктор Гай Малтон — мой друг и прекрасный врач, но я чувствовал себя слишком усталым. Мысли о Гае встревожили меня. Последние несколько месяцев он постоянно болел, силы его подтачивала медленная лихорадка, против которой не помогали никакие средства; учитывая, что Гаю давно уже перевалило за шестьдесят, болезнь могла иметь самые печальные последствия. Откровенно говоря, я опасался, что мой друг умирает. В последние несколько лет мне пришлось расстаться не только с королевой Екатериной, но и со многими людьми, к которым я питал душевную привязанность. С Джеком Баракком, моим бывшим помощником и давним другом, мы виделись чрезвычайно редко; к тому же встречи наши происходили тайком от его жены Тамазин. Когда-то она тоже испытывала ко мне расположение; однако три года назад я вовлек Джека в некое рискованное дело, участие в котором стоило ему руки (и едва не стоило жизни), а Тамми до сих пор не простила мне этого. Хотя я приходился крестным отцом их сыну, маленькому Джорджи, которому вскоре должно было исполниться четыре года, Тамазин не пускала меня на порог своего дома. Их младшую дочь я и вовсе не видел ни разу. Мой бывший конюх, мальчик по имени Тимоти, оставил мой дом, чтобы поступить в ученики к ремесленнику, а служанка Джозефина вышла замуж и теперь жила в Норфолке. Из ее последнего письма явствовало, что им с мужем приходится нелегко; зная, что она беременна, я послал супругам денег и просил сообщить, не голодают ли они. Однако ответа не последовало, что было отнюдь не в характере Джозефины, и это лишь усиливало мое беспокойство.

Слишком уж часто в последнее время мною овладевают приступы меланхолии, думал я, сидя на кровати. Внезапно меня озарила догадка — причина в том, что я совершенно одинок. Тимоти и Джозефина заменяли мне детей, которых я никогда не имел. Привязываться к ним так сильно было с моей стороны отчаянной глупостью. К тому же работа начала надоедать мне: все эти бесконечные земельные сделки, переговоры о приобретении ферм и имений, зачастую ни к чему не приводившие, нагоняли на меня скуку. В ту пору, когда я защищал интересы бедняков в Палате прошений, я был намного счастливее. Я надеялся, что Николас, избавившись от некоторых дворянских предрассудков, будет успешно помогать мне на этом поприще; но два года назад, когда пост лорда-канцлера занял Рич, мне дали понять, что должность моя необходима другому. Мне оставалось лишь смириться.

Сэнсом К. Дж.

С 97 Мертвая земля : роман / К. Дж. Сэнсом ; пер. с англ. Е. Большелаповой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 960 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-18125-0

Англия, 1549 год. После смерти Генриха VIII сыщик-адвокат Мэтью Шардлейк поступает на службу к младшей дочери почившего короля, юной Елизавете Тюдор, которая даже не подозревает, что в один прекрасный день ей предстоит стать королевой Англии. Наконец-то Шардлейк, уже немолодой и порядком уставший от придворных интриг, может вздохнуть свободно. Однако наслаждаться спокойной жизнью ему суждено недолго: Елизавета просит его поехать в Норидж и помочь Джону Болейну, дальнему родственнику своей покойной матери, которого обвиняют в злодейском убийстве жены. Мэтью отправляется в путь, ничуть не догадываясь, что ему суждено стать свидетелем роковых для королевства событий...

В мире литературных героев и в сознании сегодняшнего читателя образ Мэтью Шардлейка занимает почетное место в ряду с такими известными персонажами, как Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вулф и комиссар Мегрэ.

Впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

К. ДЖ. СЭНСОМ
МЕРТВАЯ ЗЕМЛЯ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Светлана Федорова, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.01.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 60. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-A88-26704-01-R